

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Наталья Александрова

Трам-парам,
шерше
ля фам

Детектив-любитель Надежда Лебедева

Наталья Александрова

Трам-парам, шерше ля фам

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Трам-парам, шерше ля фам / Н. Н. Александрова — «Эксмо»,
2018 — (Детектив-любитель Надежда Лебедева)

ISBN 978-5-04-091638-2

В любой непонятной ситуации ищите женщину. Виноват будет, как всегда, мужчина. Чтобы это доказать, не обязательно быть сыщицей с выдающимися аналитическими способностями. И все равно без женщины в деле укрощения маньяка не обойтись. Обитателям коттеджного поселка на Карельском перешейке повезло: они как раз нашли Надежду Николаевну, молодую пенсионерку и начинающего детектива, а уж она точно отыщет всех пропавших жен — как минимум в масштабах одного дачного кооператива... Книга также выходила под названием «Колыбельная для маньяка».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091638-2

© Александрова Н. Н., 2018
© Эксмо, 2018

Наталья Александрова Трам-парам, шерше ля фам

Начинало темнеть.

Марина прибавила шаг и нервно оглянулась: ей послышались чьи-то шаги за спиной.

Зря она пошла по этой тропинке через лес. Срезать захотела, пять минут сэкономить! Деревья шумели угрожающе где-то далеко вверх, вдали кричала незнакомая ночная птица.

Если на то пошло, зря она сорвалась в город. Но уж очень мерзко вел себя Виталий! Да что там, просто какой-то кошмар. Все же знакомы они почти полгода, и ей никак не могло прийти в голову, что он такой подлец.

Ей вообще не хотелось ехать с ним на эту дачу. Как чувствовала, что ничего хорошего из этой поездки не выйдет. Хозяев она не знала, да и никого из гостей тоже. Но Виталий сказал, что дача роскошная, в замечательном месте, и Марина поняла, что он твердо настроился на эту поездку и если она откажется, он найдет себе другую спутницу.

Сегодня с утра она проснулась в отвратительном настроении. Болела голова, всю ночь снились какие-то кошмары. Как будто она бежит по темному лесу и огромные ели хватают ее колючими лапами за ноги. Она спотыкается и падает лицом в мох. Пахнет прелой гнилью – не иначе там, подо мхом, гниет труп.

Она проснулась, явственно ощущая этот запах.

Первая мысль была не вставать, никуда не ездить, позвонить Витальке и отказаться. И пускай делает что хочет, пускай орет на нее – она просто повесит трубку и отключит телефон. Потом они помирятся, а если нет, то и черт с ним.

Но тут же ее поднял на ноги звонок матери. Той срочно требовалось пройтись по магазинам, потом навестить родственников, и все это в компании с Мариной.

– Мама, я не могу! – в панике закричала она. Представила этих теток и двоюродных племянников за столом с оливье и рыбой под маринадом. А еще ведь будут обязательный холодец и селедка под шубой, которую Марина ненавидит с детства.

Селедка решила дело в пользу Виталия. В конце концов, на даче хоть воздухом подышать можно.

Дача оказалась самая обыкновенная: бревенчатый дом без всяких удобств, даже туалет – обычная дощатая будка во дворе. Правда, в дом никто и не ходил, все тусовались на лужайке вокруг мангала, благо погода еще позволяла и день выдался на редкость теплый. Жарились шашлыки, на самодельном столе стояли многочисленные бутылки. Марина с Виталием приехали последними: сначала долго простояли на заправке, потом свернули не туда, за что он почему-то не уставал ругать именно Марину.

Гостей было человек десять плюс двое хозяев. Знакомых никого, и Марина слегка расстроилась: она не любила незнакомые компании. Хозяин, толстый грубоватый мужик, сыпал

матерком, хлопал всех по плечу и обнимал женщин. Его жена, довольно невзрачная особа, сновала туда-сюда – что-то приносила, подавала, убирала.

– Верка! – орал хозяин. – Почему водка теплая? Вечно забываешь в холодильник поставить, такая-сякая!

И дальше примерно в том же духе. Жена на это ничего не отвечала, только опускала глаза.

Народ уже прилично выпил, и Виталий начал активно догонять. Стало ясно, что обратно они сегодня не поедут, заночуют здесь же, на даче. Хотя где здесь может поместиться столько народу, она не представляла. На сеновале разве что. Настроение испортилось окончательно: она терпеть не могла спать в чужом месте, да еще по-походному, без кровати и простыней. Ужасно противно было просыпаться, зная, что душ принять негде и надеть придется несвежее белье. Марина надулась и отошла подальше. Что толку сейчас ругаться, если он уже все решил.

Вдобавок ко всему стоило Витальке выпить, как из него поперло худшее, на что он был способен. Он быстро опьянел и принялся подкалывать присутствующих, ее в том числе.

Нельзя сказать, чтобы у него в трезвом состоянии был прекрасный характер. Вообще ее кавалер был человеком грубым, нагловатым, не интересовался ничем, кроме футбола и пива, частенько не мог обойтись без матерного слова и всех без исключения девушек называл телками. После еды он имел обыкновение долго ковырять в зубах зубочисткой, и никакие Марины замечания не могли его остановить.

В сильном подпитии он становился невозможным – всех задирал, и Марине, когда она была рядом, доставалось больше всех. Эти его шуточки на грани хамства, эта мутная злоба в глазах. При всех он мог назвать ее дешевкой, а то и похлеще. Однажды в компании он ее ударил, после чего они не разговаривали две недели. Разглядывая синяк на щеке, Марина твердо решила, что пошлет его подальше. Этого еще не хватало – она ему не жена, они даже не живут вместе, так ради чего такое терпеть?

В тот раз он вымолил у нее прощение. Стоял на коленях и повторял, что не может без нее жить. Заваливал ее букетами, дорогими и безвкусными. Признался, что не может контролировать себя, когда выпьет, и клялся, что это больше не повторится. И правда, больше он на нее руку не поднимал, даже пить стал меньше.

Иногда Марина раздумывала, зачем он ей вообще нужен. Любви особой между ними не было, его привычки ее раздражали, на попытках сделать из него относительно приличного человека она давно поставила крест. В постели с ним тоже было скучно: после необременительного секса он, как правило, отворачивался к стене и засыпал. Ей и в голову не приходило рассматривать его как перспективного кандидата в мужа. Но она все тянула, не рвала с ним окончательно, потому что боялась одиночества. Конечно, у Виталия море недостатков. Но где найти того, у кого их нет?

«Куда подевались приличные молодые люди? – часто спрашивала ее мама, высоко поднимая плечи и картинно округляя глаза. – Вот в наше время...»

Марина давно научилась игнорировать такие провокационные вопросы. В конце концов, Виталик довольно хорошо зарабатывает, ездит на приличной машине, не скупится на мелкие подарки. А к олигархам вон очередь из суперкрасоток, и ей, Марине, в этой очереди нет места.

Но сейчас Виталий постепенно набирал обороты. Она отошла в дальний угол двора и оттуда наблюдала, как он пристает к гостям, то к одному, то к другому. Вот какой-то наголо бритый парень завелся, опустил голову, сузил глаза. А Виталя и в ус не дует.

Внезапно Марине захотелось, чтобы этот бритый от души дал Витальке в морду, может, хоть это его отрезвит. Но нет, вклинились хозяйка дачи Вера и брюнетка в красном. Та просто повисла на бритом: «Васенька», «Васенька». Васенька отвлекся, а Вера оттащила опасного гостя от греха подальше.

– Уйми своего уroda! – бросила брюнетка Марине на бегу.

– Да я-то при чем? – Марина пожалала плечами. – Сами разбирайтесь.

На душе, однако, было гадостно.

И как будто этого мало, среди гостей обнаружилась наглая кривоногая блондинка, у которой были на Виталия какие-то виды.

– Виталик! – заорала она, стоило им войти в калитку. – Солнце мое, как ты здесь оказался?

– Зайка! – Виталик сложил губы в ухмылке. – И ты здесь?

Марина тогда еще усмехнулась про себя: Виталька если и узнал блондинку, то имя ее точно не вспомнил. Сам же как-то ей признался, что зовет всех знакомых женщин зайками и кисами, чтобы не попасть впросак.

Блондинка, однако, ничуть не смутилась и решила добиться своего. На такую мелочь, как то, что Виталик приехал со своей девушкой, она не обратила внимания. Сейчас она как раз липла к нему, уселась на колени, визжала, щекотала за ушком и поглядывала на Марину хитро и нахально. Не то ей хотелось скандала с визгом и выдирианием волос, не то и правда запала на Виталию. Так или иначе, девица нарывалась.

К тому времени все уже были здорово навеселе, так что на наглую девку мало кто обращал внимание. Марина перехватила только злорадный взгляд брюнетки в красном – так, мол, тебе и надо, овца безмозглая, с ней, с брюнеткой, такой номер у девки бы не прошел, она за своего бритого Васеньку кому хочешь глаза выцарапает.

Марине было противно. Чтобы отвлечься, она стала помогать хозяйке дома. Гости насви-нчали здорово, Вера с ног сбилась, стараясь привести все в относительный порядок.

Сейчас Марина вспомнила сцену, которую застала полчаса назад, и чуть не заплакала. Нет, за что ей такое?

Она не искала Виталия, а просто зашла в дом, потому что Вера попросила принести чайник и сахарницу. Кое-кого из гостей срочно требовалось отпить крепким кофе. Марина плохо ориентировалась в незнакомом доме, вот и открыла случайно не ту дверь...

Виталий пыхтел, взгромоздившись на ту кривоногую стерву, а она довольно повизгивала. Услышав скрип двери, он оглянулся, увидел застывшую на пороге Марину и нагло ухмыльнулся. Казалось, он ничуть не расстроился, что она застала его с девкой, даже получил от этого дополнительное удовольствие.

– Довольна? – процедил он. – Сама виновата, нечего за мной следить! Ты мне пока не жена, и нечего смотреть на меня как на свою собственность. С кем хочешь, с тем и трахаюсь.

– Козел! – выпалила Марина, пятясь. – Урод тряпочный! Можешь делать что хочешь и с кем хочешь, но чтобы ко мне больше не подходил! Я немедленно уйду отсюда!

– Да куда ты уйдешь пешком, – выдохнул он презрительно. – Никуда не денешься!

– Скатертью дорожка, – пискнула кривоногая каракатица вслед.

Марина швырнула в них первое, что попало под руку (тот самый чайник), с грохотом захлопнула дверь и вылетела на крыльцо.

Вера увидела ее лицо и не стала ни о чем спрашивать, видно, и так все поняла.

– Как отсюда добраться до города? – спросила Марина, кое-как справившись с голосом.

Вера посмотрела пристально и не стала ее отговаривать, поняла, что это бесполезно. Проводила до калитки, показала дорогу, которая ведет прямо к шоссе. Там можно сесть на рейсовый автобус.

– Автобус скоро будет, срежь через лесок, так выйдет быстрее. Поторопись, успеешь!

Было еще светло. Марина поборолла желание проколоть на прощание шины у Виталькиного автомобиля и зашагала по дороге, не оглядываясь и стараясь ни о чем не думать.

С каждым шагом ей становилось не то чтобы легче, но как-то свободнее. Может, оно и к лучшему, что Виталька так распоясался. Теперь она окончательно и бесповоротно пошлет его подальше.

Марина вспомнила, как ее трясло в кафе, когда он долго ковырялся в зубах, а потом рассматривал то, что осталось на зубочистке, и вздохнула радостно. Уж этого она точно никогда больше не увидит.

От дороги отходила та самая тропинка, о которой говорила Вера, и Марина свернула на нее.

И вот теперь она идет через лес в сгущающихся сумерках, а тропинке все не видно конца.

Только что вокруг был редкий симпатичный пригородный лесок, а теперь он стал густым, темным и угрожающим. То ли она сбилась с дороги, то ли сумерки так преображают все вокруг. И ни души, как назло! Ничего страшного, внушала себе Марина, еще несколько минут, и она выйдет на шоссе, а там автобусная остановка. Автобус будет почти сразу, и совсем скоро она окажется дома. Да и чего она так испугалась? Это же не настоящий дикий лес, а всего лишь небольшая рощица. Самый опасный зверь, с которым здесь можно столкнуться, – кот, вышедший на ночную охоту.

Но память услужливо подбрасывала сегодняшней ночной кошмар – как она бежит по темному лесу и огромные ели стараются схватить ее колючими лапами. Стало еще хуже.

Кусты справа от дороги зашевелились.

Марина испуганно оглянулась и едва не потеряла сознание от страха: среди раздвинувшихся ветвей она увидела человеческое лицо. Но человеческое ли? Толстые вывернутые губы, заплывшие глаза, густая клочковатая борода, свалывшиеся, как войлок, грязные волосы... Одето это страшилище было в какую-то драную хламиду – не то халат, не то пальто.

Страшный человек выбрался на тропинку, протянул толстую руку с короткими кривыми пальцами и грязными обломанными ногтями и прохрипел:

– С-стой!

Марина вскрикнула, метнулась в сторону, увернулась и понеслась вперед, как заяц.

Он бежал за ней, тяжело топая, и кричал хрипло и угрожающе:

– С-стой! Не-не-не ходи! Пос-с-той! Н-не ходи туда!

– Ага, так я тебя и послушала, – пробормотала Марина, перепрыгивая через толстую корягу. – Ищи другую дуру!

Преследователь казался неуклюжим и тяжеловесным, но бежал на удивление быстро, так что расстояние между ними стремительно сокращалось. Марина слышала совсем близко его тяжелое дыхание. Еще немного, и он схватит ее...

О том, что за этим последует, не хотелось думать. Ужас накатывал мутной волной, ноги подкашивались, руки дрожали. Вот он настиг ее и схватил за руку. Другой рукой Марина толкнула его в грудь. Ветхая ткань треснула, показались красные полосы на теле. Он выпустил ее руку и принялся запахивать свою хламиду.

Теперь Марина побежала еще быстрее, из последних сил. В левом боку закололо, перед глазами поплыли цветные пятна...

Она дала себе слово, что, если уцелеет, если убежит от этого зверя в человеческом облике, больше никогда, никогда не поедет за город в незнакомый дом! Если только уцелеет, она будет ходить с мамой к родственникам и целыми вечерами пить чай с баранками и вишневым вареньем.

Вдруг за спиной раздался странный шум. Она оглянулась. Страшный человек зацепился ногой за ту самую корягу, споткнулся и упал. Он тут же поднялся на четвереньки, протянул вперед руку и снова тоскливо, хрипло выкрикнул:

– Н-не ходи!

– Ага, сейчас! – выдохнула она.

Сердце колотилось, ноги подкашивались, но у нее появилась надежда.

Еще несколько шагов, и впереди замаячил просвет. Деревья расступились, Марина выбежала на обочину шоссе.

Увы, на остановке не было ни души, а из леса снова донесся топот: ее преследователь так и не угомонился.

И тут на шоссе засверкали спасительные огни фар.

Марина выскочила на дорогу, замахала, закричала.

Только бы эта машина остановилась! Только бы остановилась!

Она остановилась. Тормоза скрипнули, дверца приоткрылась, и мужской голос проговорил:

– Девушка, вам что, жить надоело?

Марину слепили фары, поэтому она плохо видела машину и водителя. Зато ясно разглядела на опушке своего страшного преследователя.

– Увезите меня, пожалуйста, – взмолилась она. – За мной гонится какой-то ненормальный!

– Где? – удивился водитель.

Марина снова взглянула туда, где только что видела бродягу, но там уже никого не было, только покачивались потревоженные ветки деревьев. А может, это ветер качал их.

– Он там, – бормотала Марина, вглядываясь в темноту, – он спрятался, но как только вы уедете...

– Так садитесь в машину, – кивнул шофер, – я подвезу.

– Господи, спасибо, спасибо вам! – Марина плюхнулась на переднее сиденье и прикрыла глаза.

Перед ней тут же возникло страшное лицо: вывернутые губы, маленькие заплывшие глаза, косматая борода...

Она со стоном открыла глаза.

Машина тронулась, набрала скорость.

– Вам куда нужно? – спросил водитель, не поворачивая головы. – Я вообще-то в город, так что могу высадить у метро.

– Спасибо! – со слезами в голосе воскликнула Марина. – Большое вам спасибо! Вы меня спасли, нет, на самом деле спасли! Вы просто не представляете, до чего я перепугалась.

Теперь, когда опасность была позади, ей вдруг захотелось выговориться.

– Представляете: иду через лес, вокруг ни души, и вдруг из чащи выходит такой ужасный тип. Просто чудовище!

– Что же вы поздно вечером, одна, через лес? – не то спросил, не то осудил водитель, по-прежнему не поворачивая головы.

Марина не видела его лица, зато видела руки, лежащие на руле, – большие, сильные, умелые руки уверенного в себе человека.

– Да так уж получилось, – проговорила она смущенно. – Поссорилась, понимаете, со своим парнем, нет, не подумайте, что по ерунде. Он такой мерзавец!.. Нет, конечно, если бы я знала, что там какой-то маньяк бродит по лесу, я бы как-нибудь дождалась утра...

Водитель хмыкнул. Марина вдруг подумала, что, наверное, выглядит ужасно. Неслась по лесу, падала – вон руки какие грязные. Но что это?

В руке ее оказалась зажата большая пуговица из серой пластмассы.

– Какая гадость! – Она отбросила пуговицу, как будто это была дохлая мышь. – Это я у того типа оторвала, когда он меня чуть не поймал.

– Теперь все позади, – сказал водитель. – Вы успокойтесь, после такого стресса, конечно, нелегко. Возьмите там сзади термос с чаем, это поможет.

Марина пригладила волосы и обтерла руки салфеткой, которую нашла в сумке. Вот интересно, как она сумку не потеряла от страха.

– Чайку попейте, потом губы подкрасите, – улыбнулся водитель.

– И то верно! – повеселела Марина.

Чай был крепким, очень сладким и пах как-то необычно. Марина выпила стаканчик и глубоко вздохнула. По всему телу разлилась приятная истома, голова слегка кружилась. Все позади, она вернется домой и выбросит из головы и того сумасшедшего из леса, и подлеца Витальку. Все к лучшему, как говорит мама. Может, судьба сделала ей неожиданный подарок в лице вот этого мужчины с такими сильными руками.

В салоне темно, она не видит его лица, но наверняка это совсем не такой человек, как Виталька. Машина дорогая, вон какой мягкий ход, в салоне просторно. Определенно, ей повезло встретить его на дороге.

Марина открыла глаза и огляделась.

– Я что, заснула?

– Покемарила полчаса, – усмехнулся водитель. – Ничего, зато успокоилась.

Марина прислушалась к себе. Покой и слабость – вот все, что она чувствовала сейчас. Машину тряхнуло, по стеклу стукнули ветки.

– А куда мы едем? – удивилась Марина. – Это, кажется, не шоссе.

– Объезд, – не поворачивая головы, ответил он, – там авария. Срезаем, чтобы не ждать. Он вдруг затормозил и съехал на обочину.

– Кажется, колесо спустило.

Колесо так колесо. Марина удобнее устроилась на сиденье.

Водитель вышел из машины, обошел вокруг, присвистнул и протянул смущенно:

– Вы мне не поможете? Здесь нужно легонько кое-что подержать.

– Да, конечно. – Марина нехотя выскользнула, подошла к нему. Он стоял вполборота, так что она по-прежнему не видела его лица.

– Что подержать? – спросила она с готовностью.

– Вот это. – Он повернулся к ней, но она так и не увидела его лица, потому что смотрела на руки.

Эти руки жили теперь отдельной жизнью, как будто были самостоятельным существом.

Опасным и хищным.

Сильные, большие, они потянулись к Марининому горлу.

– Что?.. Что вы?.. – забормотала она, не сводя глаз с его рук. – Зачем? За что?..

– За что, – переспросил он свистящим шепотом, – ты еще спрашиваешь? Все вы, бабы, одинаковые. Передавить вас всех!..

Марина отшатнулась. Она хотела снова бежать, как тогда через лес, но ноги больше не слушались, стали ватными, и она упала бы на дорогу, если бы сильные руки водителя не схватили. Вот эти руки уже на ее горле, вот они медленно неотвратимо сжимаются. Она извивалась в его руках, они вдвоем продвигались вдоль борта машины, и вот оба уже в свете включенных фар. Марина наконец увидела его лицо, лицо своего убийцы. Оно так и застыло в ее глазах.

Он еще долго сжимал ее горло, пока не убедился, что жизнь окончательно ушла из тела жертвы. Потом опустил ее на землю, достал из багажника простой дерюжный мешок и кое-как замотал труп. Перехватил тяжелый тюк и понес куда-то в глубину леса. Вернулся быстро, уже налегке. Включил сильный фонарь, тщательно осмотрел салон, сумку жертвы сунул в багажник под запаску. Вылил все, что оставалось в термосе, на землю, минут пять посидел в полной тишине, слушая шелест деревьев и далекий гудок электрички. Потом вздохнул и задним ходом выбрался с лесной дороги на шоссе.

Машина неслась по шоссе. В окнах мелькали удивительно красивые краснеющие клены, медно-желтые дубы, золотые березы. По мере удаления от города красного становилось все меньше: клены уступали место березам и осинам. Дальше пошли вечнозеленые ели и сосны, березы попадались все реже, да и те стояли почти совсем голые – как-никак машина двигалась на север.

– Роняет лес багряный свой убор, – рассеянно произнесла Надежда. Пояснила удивленно покосившемуся на нее водителю: – Пушкин. Александр Сергеевич!

– Ага, – хмыкнул тот и отвернулся.

Надежда вздохнула и подумала, что пора приступать к своим обязанностям.

– Мы не слишком быстро едем? – поинтересовалась она противным скрипучим голосом.

– Нормально, – пробурчал водитель, – сами же просили поторопиться.

– Я торопиться не просила! – возмутилась Надежда. – Я вообще тебя ни о чем никогда не просила. Мне тебя просить – нож острый! А только если уговаривались прибыть к двенадцати, опаздывать нехорошо. Люди подумают, что мы необязательные и безответственные, доверия нам не будет.

Водитель повернулся к ней, посмотрел выразительно: дескать, ни к чему здесь это «мы», каждый сам по себе, а если уж тебе взбрело в голову тащиться черт знает куда, я точно ни при чем, я свой выходной употребил бы с большей пользой.

– На дорогу смотри! – взвизгнула Надежда. – Кто на дорогу не смотрел и скорость превышал, вон где лежат! – Она кивнула на камень у дороги, накрытый старым выгоревшим венком.

– Типун вам на язык! – разозлился водитель. – Разве можно такое человеку за рулем говорить?

Надежда и сама поняла, что малость перегнула. Она поджала губы и замолчала.

Но ненадолго. Ехать молча не входило в ее планы. Тем более в салоне играла музыка, и сейчас водитель прибавил громкости.

Надежда тут же недовольно заерзала и демонстративно прижала пальцы к вискам.

– Нельзя выключить? Или хотя бы тише сделать, если уж никак без этого гвалта!

Водитель молча прикрутил громкость.

– Нет, не понимаю я вас, молодых, – снова завелась Надежда. – Вот что хорошего в этом вашем хеви метал? Где, скажи на милость, мелодия, приятная для слуха? Оглохнуть можно!

– Да никакой это не хеви метал, а ритм энд блюз, – искренне возмутился водитель. – Это надо совсем в музыке не разбираться, чтобы так перепутать!

– Ты на что это намекаешь? – обманчиво спокойно поинтересовалась Надежда. – Ты думаешь, если тебя в дом взяли и ты на дочери моей женился, так теперь можешь меня оскорблять? Говорила я Таньке, ох, говорила, чтобы не выходила за тебя. Только разве они матерей слушают? Своим умом живут – вот и получили теперь подарочек!

– Жениться надо на сироте! – Парень за рулем стукнул кулаком по рулю.

После этого он глянул на Надежду, и оба рассмеялись.

– Как, – спросила Надежда, вытирая выступившие слезы, – впечатляет?

– Отпад. – Водитель не стал кривить душой. – Если бы я был женат, тут же на развод подал! Вы же не теща, а противопехотная мина!

– Не видал ты настоящих тещ, – обиделась Надежда Николаевна. – И вообще, у нас с зятем Борисом полное взаимопонимание и нежная любовь.

– Это вы так думаете, – поддразнил водитель, – а если его послушать...

– Да мы вообще отдельно живем! Даже в разных городах.

– Лучше в разных странах, – серьезно сказал водитель. – Или вообще на разных континентах. Мы, допустим, в Европе, а теща – в Африке. Пускай там горилл каких-нибудь воспитывает.

– Вот как вы о нас думаете. – Надежда обиделась всерьез и замолчала.

Машина по-прежнему неслась вперед. От города отъехали уже далеко, так что не было ни пробок, ни светофоров. Вдоль дороги стоял настоящий сосновый бор, мелькнуло озеро, небольшая деревенька – и снова пошел лес.

Надежда скосила глаза на соседа. То, что они сейчас разыграли, было не более чем репетицией. Упаси бог, этот Артем вовсе ей не зять. Ее дочка Алена замужем за приличным челове-

ком. Борис был моряком, потом без отрыва, так сказать, окончил какие-то юридические курсы и теперь служит на берегу. Так всем спокойнее и денег больше. Внучке Светке уже девятый год пошел. Вот только видит ее Надежда редко: живут они все в далеком Северодвинске. Но с зятем у них отношения самые добрые. Надежда его не пилит, слишком далеко, а он ей не хамит – по той же причине.

Нынешняя же ситуация совсем другая. Надежда снова сердито поглядела на Артема. Не завидует она его будущей теще, сразу видно: парень хамоватый и с гонором. Ишь, как косится, небось думает, что зря ему Вадим эту старуху навязал, он и сам бы управился. Ладно, это мы еще посмотрим, кто здесь главный.

История эта началась позавчера.

Нет, на самом деле все началось гораздо раньше, лет тридцать назад, когда в институт, где Надежда Николаевна Лебедева трудилась тогда старшим инженером, пришел новый сотрудник Вадим Окунев. Они работали вместе, домами, правда, не дружили, но отношения были неплохие. Надежда вообще была дамой очень общительной и отношения со всеми коллегами поддерживала дружеские.

Потом все разбрелись кто куда. Вадим уволился одним из первых, рискнул, ушел в бизнес. В то время он как раз развелся, был легок на подъем и не обременен семьей с маленькими детьми и престарелыми родителями. Они с Надеждой потеряли связь и встретились случайно только три года назад. Она как раз переехала из своей однушки в квартиру мужа и неожиданно-негаданно повстречала как-то утром мужчину с очаровательным рыжим кокером.

Ко всем рыжим животным Надежда относилась с нежностью, потому как у них с мужем был рыжий кот Бейсик. Кокер оказался забавным и общительным. Подбежал к Надежде познакомиться, она наклонилась его погладить, а когда выпрямилась, узнала в его хозяине своего бывшего коллегу.

Вадим слегка поправился, вид имел гладкий и солидный. Надежду узнал сразу и очень обрадовался, они даже обнялись. Выяснилось, что теперь они соседи. Опять-таки домами дружить не стали, но довольно часто встречались во дворе. Вадим даже подвозил ее пару раз до магазина и обратно. У него была своя фирма, какая конкретно, Надежда не уточняла. Дела наверняка шли неплохо, во всяком случае, машина у Вадима была недешевой. На вопрос о семейном положении он ответил, что был женат еще раз, но развелся пару лет назад, из чего Надежда сделала вывод, что сейчас он снова один. Не один, поправил Вадим, а с собакой. Кокера звали Сеней.

– Семен, значит? – уточнила Надежда.

– А вот и не угадала, – рассмеялся Вадим, – не Семен, а Сенек. Круто?

Вадим часто уезжал то в Москву по делам, то в Новосибирск, а то просто отдохнуть и развеяться. Когда его не было, Надежда видела во дворе кокера Сеню с какой-то молодой женщиной. Признаваться, что знакома с Сеней и его хозяином, она не спешила – еще сочтут, чего доброго, дворовой сплетницей. Какое ей, в конце концов, дело, с кем Вадим живет? Или не живет, а просто так роман крутит.

Позавчера они встретились снова. Надежда торопилась домой – проводить мужа в командировку в Москву, и тут кто-то рыжий бросился ей под ноги.

– Сенечка! – умилилась она.

Кокер радостно взвизгнул. Хозяин тоже кивнул Надежде, но как-то нерадостно.

– Ты что такой хмурый, Вадик? – с тревогой спросила Надежда. – Не заболел?

– Да нет, – он поморщился, – но, понимаешь, такое дело...

– Неприятности?

Надежда Николаевна задала вопрос по инерции и немедленно об этом пожалела.

Говорят, зануда – это человек, который на вопрос «как живешь» отвечает правду. Вадим, надо сказать, никогда занудой не был, но люди меняются. Не дай бог, начнет сейчас жаловаться на судьбу, на погоду, на поставщиков и правительство. Помочь Надежда все равно не сможет, а просто так слушать – времени совсем нет, нужно мужа собрать в дорогу. Хоть на три дня человек едет, и не в лес глухой, а в столицу, но надо и белье положить, и рубашку свежую, и еще разные мелочи вроде аптечки. Мужчина о таком, понятно, никогда не вспомнит.

– Да есть одна проблемка, – протянул Вадим и вдруг посмотрел на Надежду просветленным взглядом: – Слушай, Надя, а ведь ты могла бы мне помочь!

– Если прямо сейчас, то никак, – отрезала Надежда. – Муж в командировку уезжает, надо проводить.

– Можно тогда я к тебе вечером загляну? Поговорить надо.

Казалось бы, что здесь такого? Зайдет человек на минутку, они выпьют чаю, поговорят. Но Надежда насторожилась.

Все дело было в бдительной соседке Антонине Васильевне. Большую часть времени та проводила дома, а если изредка и спускалась на улицу, то предпочитала отираться у подъезда.

Ходить далеко она не могла по причине преклонных лет, поэтому была полностью в курсе всех событий в доме. А уж жизнь обитателей своего подъезда Антонина Васильевна знала досконально. И щедро делилась этими знаниями с окружающими.

Надежда Николаевна представила, как завтра утром Антонина будет взхлеб рассказывать соседкам, как, не успев проводить мужа, она, Надежда, немедленно позвала постороннего мужчину. И как соседки мигом разносят эту потрясающую новость не только по двору, но и по всему району. Что с того, что у Надежды репутация приличной замужней женщины и возраст, скажем так, не самый располагающий? Когда сплетницам такое мешало? И что самое ужасное, потом ведь не оправдаешься.

– Нет, – решительно сказала Надежда, – уж лучше я к тебе зайду.

Квартира у Вадима была большой, просторной и светлой, явно не так давно после дорогого ремонта. Две комнаты – спальня и кабинет. В той комнате, которую она мысленно назвала кабинетом, стояли письменный стол и компьютер. И еще там были полки с книгами, немного, правда. В другом углу – диван, два кресла и телевизор, стало быть, Вадим использует это пространство и как гостиную тоже. Ничто здесь не напоминало о присутствии женщины. В спальню Надежда, понятно, заглянуть постеснялась, а на кухню ее не приглашали.

Кабинет ей понравился: все просто и функционально. Она сама не очень любила статуэтки на полках и стены, увешанные фотографиями в рамках.

Впрочем, одна фотография здесь была. На столе в дизайнерской рамке стоял снимок – Вадим в компании довольно интересной женщины. Снимок был сделан лет десять назад, Вадим на нем моложе и изящнее. Женщина тоже была худенькой, да еще одета в обтягивающие лосины и трикотажную майку. И кепка такая, что козырек закрывает пол-лица. Волосы завязаны в хвост. Загорелая, подтянутая, одежда хоть и простая, но видно, что дорогая. На отдыхе они где-то – вон сзади на снимке горы виднеются.

– Кофе? – светски предложил Вадим.

– Упаси бог на ночь! – испугалась Надежда. – Я спать не буду!

– Тогда чаю, воды минеральной или, может, чего покрепче? – прищурился Вадим.

– Слушай, что ты как секретарша у маленького начальника передо мной стелешься? – рассердилась Надежда. – Говори, зачем звал.

– Почему у маленького начальника? – удивился Вадим.

– Потому что у большого начальника секретарша себе цену знает. Ей с посетителями любезничать не нужно, они сами перед ней заискивают.

– Вот за что я тебя, Надя, всегда уважал, – усмехнулся Вадим, – так это за точные формулировки. И за наблюдательность. Вижу, что ты не утратила эти качества с...

– С возрастом? – перебила Надежда. – Говори, не стесняйся. И выкладывай наконец, за каким бесом тебе вдруг понадобилась немолодая домохозяйка.

Цокая когтями по паркету, в комнату вошел кокер и запрыгнул на диван к Надежде.

– Это моя жена, – сказал Вадим и взял в руки фотографию.

– Которая? – съехидничала Надежда. – Первая, вторая или уже третья?

– Вторая, – спокойно ответил он. – А третьей пока нет, не исключено, что и не будет.

Он снова надолго замолчал.

– Слушай, – Надежда заерзала на диване, так что кокер Сеня, успевший задремать, удивленно поднял голову, – ты не мог бы изложить свою просьбу быстрее? У меня, понимаешь, дел много.

– У тебя муж уехал, какие дела, – начал было Вадим, но Надежда глянула на него грозно и начала уже подниматься с дивана. – Ладно, – сдался Вадим. – Только я кое-что сначала объясню.

Он заходил по комнате.

– Мы прожили с Ланой шесть лет. Даже почти семь.

– А почему развелись? – не утерпела Надежда.

– Почему? – Вадим посмотрел на нее растерянно. – Знаешь, если честно, я и сам не знаю. В смысле, теперь не помню. А тогда, конечно, были какие-то причины. Характерами не сошлись, еще сын у нее от первого брака... У нее первый муж кинорежиссер, очень рано умер.

– А общих детей у вас не было?

– Не было. Она не хотела, а я не настаивал. Теперь жалею: были бы дети, мы не развелись бы. В общем, расстались мы по-хорошему. Имуущество не делили, я у нее не был прописан, так что на машине и уехал. Она осталась с сыном. Мы перезванивались, иногда даже ходили куда-то вместе по старой памяти. – Вадим вздохнул, помолчал немного и продолжил: – Лето подошло, она уехала куда-то отдыхать. Мы к тому времени оформили развод, потому как мне нужно было эту квартиру купить – сама понимаешь, чтобы потом проблем не было. Я материну однушку продал, денег добавил, и вот, – он развел руками.

– Хорошая квартира, – одобрила Надежда.

– В общем, приезжает Лана из отпуска, вся светится. Я, говорит, замуж выхожу и уезжаю. Я так и сел. Куда, говорю, за границей жениха нашла, что ли? Нет, она смеется, ближе. Оказалось, отдыхала она у нас в области, познакомилась с мужиком и влюбилась. Мне, конечно, вроде обидно. Что, интересуюсь, за мужик? Оказалось, бывший мент, теперь бригада строителей у него, дома загородные строят. Как-то я насчет бывшего мента засомневался. Подумай, говорю, хорошенько, как бы потом не пришлось жалеть. А она и слышать ничего не желает – люблю, мол, его без памяти, если не он, то никто и никогда.

– Ничего себе, – поразилась Надежда. – А позволь спросить, лет тогда твоей бывшей жене было сколько?

– Слушай, восемь лет они женаты, плюс еще год... Сорок один, выходит, тогда был.

– Угу, – кивнула Надежда, – я почему спрашиваю: как-то не идет такое поведение сорокалетней женщине. Познакомилась, влюбилась с первого взгляда, замуж собралась... Не девочка вроде, надо серьезнее к замужеству относиться.

– Думаешь, я ей этого не говорил? – усмехнулся Вадим. – А она такая увлекающаяся натура. Обиделась, что я на возраст намекаю, и говорит, мол, такая у них с ментом этим страсть, такой секс – куда там молодым. Я, конечно, оскорбился: со мной, значит, ей плохо было? Хотя вроде жили мы в этом плане нескучно.

«Разве можно такое мужчине говорить? – Надежда хотела произнести это вслух, но вовремя прикусила язык. – Произнести такое – это же навсегда с ним рассориться».

– В общем, поговорили мы крупно, и я ушел. Делай, говорю, как знаешь, мы в разводе, я тебе никто, да и ты мне тоже. Но перед тем как окончательно расстаться, еще кое-что сделал. У нее была доля в моей фирме – так в свое время удобнее было из-за налогов. Так я денег занял и все ей честно выплатил. Думаю, мало ли что, потом с ментом связываться, хоть и бывшим, – себе дороже встанет.

– Умно поступил! – похвалила Надежда.

– Ага, я вообще умный и деловой, – скривился Вадим. – В общем, разошлись мы, как в море корабли, я и думать о ней забыл. Потом уже через некоторое время от общих знакомых узнал, что квартиру Лана оставила сыну, а сама переехала к мужу за город. Со временем построили они дом, большой, хороший, со всеми удобствами, как в городе. У нее сад, хозяйство, огород, хотя до этого полностью городская была женщина. Она ведь по специальности художник, Мухинское училище окончила.

– А где работала? – живо спросила Надежда. – Я к тому, что раз она за город уехала, стало быть, работу бросила?

– Да она работала так, от случая к случаю, – поморщился Вадим. – Что-то прикладное, дамское...

– Угу. – Надежда демонстративно посмотрела на часы. – И чего ты от меня-то хочешь?

– Вот наконец к делу подошли, – оживился Вадим. – Понимаешь, годы идут, я своими делами занят, о Лане ровным счетом ничего не знаю, она с подругами здешними отношения не поддерживает. А тут вдруг случайно встречаю ее у своей фирмы. Понятно, слово за слово, поговорили, в кафе посидели. Она тут и бухнула мне: развелась со своим ментом, теперь одна в загородном доме. Приезжай, говорит, воздухом подышишь. А дело было весной: все цветет, погода отличная. Вот я и поехал как-то в выходные.

«А зря», – подумала Надежда, и мысль эта немедленно отразилась на ее лице.

– Сам знаю, что зря, – вздохнул Вадим, – но это я потом понял. А тогда как-то закрутилось у нас, понял я, что привязан к ней и не нужно нам было разводиться. Она тоже была согласна.

В общем, пока такой расклад: приезжаю я к ней на выходные. Дом и правда отличный: все удобства, сад замечательный, цветы там разные, сирень тогда как раз цвела. Одно плохо, что муж ее бывший, в смысле пока не бывший, а настоящий, все время рядом крутится. У него тоже хозяйство большое, строитель ведь. Инструменты в сарае, машины две тут же в гараже. Сам живет в вагончике на краю поселка, но вечно на участке толчется. Мне вроде как неудобно – на чужом, так сказать, поле. А Лана только рукой машет, не переживай, мол, все образуется, дом будет мой, на мои деньги построен. И все ко мне льнет.

Так прокантовались мы лето, а хозяйство-то у нее большое. Она привыкла, что муж все делает, руки-то у него к этому делу приспособлены. Давай она меня потихоньку озадачивать – то подкрути, это привинти, здесь обвалилось, там прикопать нужно. А я ведь только на выходные приезжаю, а в будни работаю как вол. Мне бы отдохнуть, на диване поваляться... И потом, не люблю я эти сельские забавы. На шашлыки к друзьям приехать – всегда пожалуйста, а по дому вкалывать – увольте. Тем более что и дом чужой.

– Понимаю, – протянула Надежда.

– Потихоньку я стал делами отговариваться, раз даже наврал, что еду в командировку. А потом приезжаю уже осенью, а Лана мне и говорит: «Извини, дорогой, мы с Валерием решили снова сойтись. Поняли, что развод был ошибкой, и снова жить друг без друга не можем».

– Круто! – восхитилась Надежда. – А ты, значит, у нее был вроде подсадной утки. Она тебя из города выписала, чтобы менту своему бывшему досадить. Такой способ существует, но обычно его школьницы применяют – классе в седьмом, максимум в восьмом. Увидит мальчик, который ее бросил, что она гуляет с другим, и снова на нее внимание обратит. А чтобы взрослые люди так развлекались – это, знаешь, удивительно.

– Вот-вот, до меня тоже наконец дошло, что она меня просто использовала. И за что? Ничего я ей плохого не сделал, деньги все выплатил. . . Словом, поругались мы жутко, я дверь хлопнул и уехал. Еще на ворота плюнул в сердцах.

– Правильно, – осторожно заметила Надежда, рассудив, что дело на этом не закончилось.

– Это было в прошлом сентябре. А зимой звонит мне Лана, голос унылый, даже больной. Так, мол, и так, с мужем они окончательно расстались, она подает на развод, а пока дом выставили на продажу. Он ее бросил, она болеет, сидит одна в этом своем лесу, и даже нет сил дорожки от снега расчистить. И соседей никого, потому как зима снежная, машинам не проехать.

– А ты что?

– А я, знаешь, разозлился и говорю: иди ты в баню вместе со своим мужем, домом, садом и огородом. После того, как ты со мной поступила, я тебя видеть не хочу и знать не желаю. Иди, словом, куда подальше и больше не звони. И трубку бросил.

– Да, дела, – снова протянула Надежда, видя, что Вадим ждет ее реакции.

– Вот тебе и дела! – Вадим зло блеснул глазами. – А потом, знаешь, как-то меня совесть заела. Вдруг, думаю, она там и правда одна в холоде, да еще голодает? Но это уже потом, месяц прошел или два, дело к весне шло. Посмотрел я сайты продаж загородной недвижимости – в самом деле, их дом выставлен на продажу.

Потом как-то закурился с делами и вот только недавно опомнился. У Ланы как раз был день рождения, и я решил позвонить. Не отвечает телефон, выключен. Второй раз то же, третий. У меня как раз сотрудница одна дом собралась покупать, я ей порекомендовал к Лане обратиться. Дом в самом деле хороший, уж я-то знаю. Съездили они с мужем, поглядели. Дом хороший, говорит, слов нет, только цену хозяин заломил несусветную, не стоит дом таких денег. А хозяйки, говорит, нет, в отъезде она, он один там распоряжается.

Куда еще она от хозяйства уехала? Звоню Ланиному сыну – где, мол, мать? Он, как обычно, отвечает по-хамски: понятия не имеет, он ей не сторож. Я по знакомым – никто ее не видел, никто ничего не знает. Заволновался я, понимаешь: вдруг что-то случилось? Если бы я ее подальше не послал. . .

– Совесть ты наш, – улынулась Надежда.

– Теперь перехожу к делу. – Вадим остановился напротив Надежды.

Наконец-то!

– Надь, мне бы только узнать, что с Ланой все в порядке. Если уехала, почему никому не сказала? Уж сын-то должен знать. И почему телефон выключила?

– Может, не хочет, чтобы беспокоили, – неуверенно предположила Надежда.

– Ты понимаешь, я же обратился к оператору сотовой связи. Говорят, этот номер, Ланин, вообще не существует.

– Значит, номер изменила!

– Но зачем?

«Откуда мне знать, – с тоской подумала Надежда. – Судя по твоим же словам, женушка твоя бывшая та еще авантюристка. Может, еще какого-то мужчину нашла и к нему переехала».

– Почему не дождалась, пока дом продадут? – Вадим рассуждал вслух. – У нее ведь, кроме этого дома, ничего нет. Нельзя же в новую жизнь идти ни с чем.

Надежда Николаевна опустила глаза и решила, что надо тщательно следить за своим лицом: Вадим, оказывается, читает по нему, как по раскрытой книге.

– В общем, надо этот вопрос прояснить, – твердо сказал он и уселся рядом с Надеждой на диван. – И в этом ты мне можешь помочь.

– Это каким же образом? – встрепнулась она.

– А вот каким. С Ланиным мужем, сама понимаешь, у меня никакого разговора не получится. С сыном тоже не вышло, но он такой балбес, что и не знает ничего. Я попросил племян-

ника, Артема, съездить туда – вроде как под видом покупателя, дом посмотреть. Только если парень один приедет дом покупать, кто же ему поверит? А вот если вдвоем...

– Да он небось мне в сыновья годится! – фыркнула Надежда.

– Угу. Спокойно можешь представить его мамашей. А еще лучше тещей. Тещи, знаешь, любопытные, всюду шныряют, все им надо знать. Ты, Надя, женщина решительная и наблюдательная, опять же анализировать наблюдения умеешь быстро и толково, это я по прошлым временам помню. И теперь...

– А что теперь? – строго поинтересовалась Надежда Николаевна. – Что ты обо мне знаешь?

– Да уж знаю, – усмехнулся Вадим. – Знаю, что у тебя хобби – расследовать разные сомнительные случаи. Ничего ты не боишься и всюду суешь нос.

– Это кто же тебе такое сказал? – забеспокоилась Надежда.

У нее была одна забота – как бы о ее многочисленных расследованиях не узнал муж. К попыткам жены вмешаться во всякие криминальные события Сан Санюч относился резко негативно. Обычно спокойный и вежливый, в таких случаях он очень сердился, даже начинал кричать и ругаться. Пару раз Надежда видела его просто взбешенным. Наученная горьким опытом, она приняла решение ни о чем таком мужу не рассказывать, так спокойнее. И с тех пор тщательно следила, чтобы никакая информация этого рода до его ушей не дошла.

– Так откуда ты узнал? – Надежда уставилась на Вадима пронзительным прокурорским взором. – Признавайся, это во дворе тетки треплются?

– Ни боже мой! – он замахал руками. – Если честно, мне Милка сказала.

Милка была старинной Надеждиной приятельницей, тоже по прежней работе. С Милкой они поддерживали отношения, перезванивались, обменивались новостями об общих знакомых. Как выяснилось, Милка обменивалась новостями не только с Надеждой.

– Надя, – Вадим взял ее за руку, – помоги, пожалуйста! Это для меня очень важно! Времени много это не займет, Артем отвезет туда-обратно. Он парень молодой, неопытный, а ты своим орлиным взором сразу определишь, что не так. Мне бы только ниточку отыскать, куда Ланка могла деться.

– Ладно, – Надежда сдалась, – раз такое дело... Съезжу, конечно, гляну, что и как.

– Вот спасибо! – повеселел Вадим. – Так, значит, послезавтра, в субботу, Артем за тобой заедет часиков в десять.

– В субботу не смогу, – решительно сказала Надежда, – маму надо навестить. В воскресенье поедем.

И вот теперь они ехали смотреть дом, и Надежда успешно вживалась в роль тещи.

– Поворот! – нарушила она долгое молчание.

– Сам вижу, – процедил Артем, – нечего меня контролировать.

– Если вас не контролировать, вы черт знает что наворочаете. – Надежда снова вошла в роль, но тут машина подпрыгнула, влетела в выбоину, и заслуженная теща едва не прикусила язык. – Ты это нарочно, да? – всерьез рассвирепела она. – Слушай, я тебе не теща! Век бы такого зятя не видать! Если я из любезности согласилась с тобой поехать, это вовсе не значит...

– Спокойно, мама, не нервничайте, скоро приедем! – Наглый племянник Вадима стрельнул хитрыми глазами.

Проехали поселок, справа мелькнуло озеро.

– Красиво как! – оживилась Надежда. – Лес, церковь на том берегу...

Дальше нужно было ехать два километра по грунтовке. Осенние дожди успели размыть дорогу так, что Надежда сочла за лучшее сидеть молча.

Садоводство называлось «Перешеек», что Надежду не удивило: здесь, на Карельском перешейке, все так называется. Но дальше пошел уже полный абсурд. На большом щите у

дороги показались три стрелки с надписями «Перешеек педиатрический», «Перешеек неврологический» и «Перешеек психиатрический».

– Круто! – восхитился Артем. – Вы не пугайтесь, это в свое время врачам дачные участки давали, вот так и назвали. Нам в психиатрический, третий поворот налево.

Сразу за поворотом обнаружилась огромная помойка.

– Н-да, – растерялась Надежда, – что-то мне здесь не нравится. Еще название это...

– Вы же не дом покупать приехали, – напомнил Артем.

Нужный дом стоял на окраине за добротным забором. На звонок ворота открылись автоматически, и машина въехала на участок.

Дом был хорош: высокий, выстроен с любовью и вкусом. Но первым делом Надежда восхитилась участком. Были здесь все еще зеленый газон, кусты, ягодные и декоративные, был огород, отделенный от остального участка крошечным плетнем с яркими крынками – это для красоты. А еще большая оранжерея, множество хозяйственных построек, круглая каменная башня с флюгером, какие Надежда видела в Прибалтике, только эта была раз в пятьдесят меньше. На клумбе полыхали поздние астры и георгины.

– Надо же, – восхитилась Надежда, – везде уже отцвели, а здесь такая красота!

– Мама, может, вы дом посмотрите? – окликнул ее Артем.

– И то верно. – Надежда сообразила, что отвлеклась на постороннее, и побежала к дому, где Артем уже разговаривал с хозяином.

Хозяин был мужчина крепкий, подтянутый и загорелый – физический труд на свежем воздухе способствует, да. Недавно подстрижен, аккуратно выбрит, одет в чистые синие джинсы и свитер известной фирмы с логотипом на кармашке. Лицо немного грубоватое, нос, губы как топором вырубленные, но все остальное вполне на уровне. Надежда мысленно поставила рядом с ним ту женщину с фотографии в доме Вадима и поняла, что рядом они смотрелись бы неплохо.

Представился хозяин просто Валерием, без отчества.

Молодится, поняла Надежда. Хотя ему об этом беспокоиться пока рано.

Изнутри дом казался еще просторнее, чем снаружи. Внизу были холл, кухня и столовая, наверх вела лестница с резными перилами.

– Сам делал, – усмехнулся хозяин, – вот этими руками.

В холле финский камин, по стенам развешаны рисунки, а над камином – большой пейзаж, разумеется, с садом.

– Какая красота! – Надежда Николаевна подошла ближе. – Кто же это рисовал?

– Это жена, – нехотя ответил хозяин. – Наверх пойдете? Там две спальни, еще балкон открытый.

– Замечательно! – бурно восторгалась Надежда, хотя пейзажик был так себе, обычная любительская акварелька. – У вашей жены большой талант!

Хозяин никак не отреагировал. Пошли наверх. Спальни были обставлены простой, но удобной и новой мебелью. Никаких бабушкиных продавленных диванов и столиков, изъеденных жучком. Пахло деревом, с балкона открывался вид на участок и дорогу. За ней было поле и вдалеке домики поселка. Спальню хозяев оживляли яркие занавески сложного кроя.

– Это ваша жена сама шила? – Надежда пощупала ткань.

– Вроде да. – От внимательных Надеждиных глаз не укрылось, что хозяин слегка поморщился.

– Очень красиво, – пробормотала Надежда.

Хозяин пошел вниз, Надежде с Артемом ничего не оставалось, как следовать за ним. Они выразительно переглянулись за его спиной, и Артем чуть заметно пожал плечами – дескать, ничего у вас не выйдет, а я умываю руки.

Но Надежду не так просто было сбить с намеченной цели.

Бодрой рысью она обежала весь первый этаж, отметила вполне современную кухню, попросилась в ванную. Там, закрывшись, тщательно исследовала содержимое шкафчиков. На виду стояла только мужская косметика: крем для бритья, лосьон, дорогая туалетная вода. И зубная щетка в стаканчике оказалась только одна, и мочалка, и банное полотенце. Халата вообще не было, никакого. Уехала хозяйка, это точно. Причем уехала надолго, потому что если бы на день или два, то халат висел бы на гвоздике, и полотенце тоже. Вот бы узнать, куда.

– А вот здесь веранда крытая, – нелюбезно встретил ее хозяин. – Летом можно окна открыть, тогда воздух свежий и света больше.

Сейчас на веранде стояли плетеные кресла, на полу – яркий домотканый половичок, на стенах – забавные корни дерева. Один в форме чертика с рожками, другой был похож на северного оленя. Корешки были тщательно вычищены и покрыты лаком, а у оленя имелись еще и глаза – темно-лиловые бусины. Надежда Николаевна не стала и спрашивать, кто автор этих произведений, ясно, что Светлана.

Что ж, ничего особенного, но художественный вкус, несомненно, есть. Благодаря этим мелочам дом и правда не такой, как у всех.

– А это что? – Надежда даже зажмурилась.

Вместо столика на веранде стояло что-то очень знакомое. Конечно, это же нижняя часть старой швейной машинки «Зингер»! У самой Надежды такая была на даче, осталась от бабушки. Сделано в 1913 году.

Помнится, бабушка говорила, что и в приданое ей машинка отдана была не новой. Бабушки давно нет, а машинку Надежда с огромным трудом перевезла на дачу – чугунная станина была неподъемной. Но каково же было ее удивление, когда после всех переездов тщательно смазанная машинка продолжала шить! Нечего сказать, умели делать вещи в 1913 году.

Здесь фигурную нижнюю часть «Зингера» использовали как стол, а на столешнице было выложено целое мозаичное панно из синих, голубых, белых и лиловых кусочков стекла. Были здесь и бурное море, и темное небо, и страшный дракон, поднимающийся со дна морского.

– Потрясающе! – искренне восхитилась Надежда. – Неужели это тоже ваша жена?

– Заказали по ее рисунку, – выдавил хозяин, и в голосе его чуткая Надежда уловила недовольство. Интересно, к чему оно относится? Ему неприятно, что Надежда так восторгается работами его жены? Или просто противно о ней вспоминать, все же они развелись? Но куда она подевалась?

Из окна веранды был виден красивый куст – золотая листва и гроздья черных ягод, блестящих, как агаты. Надежда Николаевна, как давний садовод-любитель, узнала декоративную бузину. Она была бы не против посадить такой у себя, но ягоды у этой бузины ядовитые, и муж категорически запретил ей связываться с этим растением – не ровен час кот Бейсик вздумает сорвать листочек. Кот у них был немолодой, умный и осторожный, но, как говорится, и на старуху бывает проруха. Словом, на бузину муж наложил вето.

В доме больше было нечего делать, но Надежда не сдавалась. В саду она огляделась и заявила, что ей все нравится, но если они купят дом, на участке придется кое-что переделать. У нее, мол, двое внуков, нужна детская площадка, так что придется переносить огород или пересаживать кусты.

– Мне бы хотелось с женой вашей поговорить, – прямо обратилась она к хозяину. – Какая земля, что лучше сажать, чем удобрять. Она ведь садом занимается?

– Она сейчас в отъезде, – угрюмо ответил хозяин.

– А когда вернется?

Валерий сверкнул глазами, но наткнулся на такой же твердый взгляд Надежды, который давал понять: она не в гости приехала, не цветочками любоваться, а смотрит дом на предмет покупки. А поскольку цена очень даже кусается, Надежда имеет право на любые вопросы. Не собачью будку покупает.

– Вернется, – ответил Валерий мрачно, – точно не знаю когда, но вернется.

– Тогда мы еще раз приедем! – припечатала Надежда. – А сейчас едем, Артем, нам еще два дома смотреть.

Хозяин хмыкнул и даже не проводил их к выходу. Впрочем, ворота открывались автоматически.

– И чего людям не жилось? – вздохнула Надежда уже в машине. – Дом – полная чаша, удобства как в городе, красиво все так, никто не мешает, ни дети малые, ни старики ворчливые. Живи себе на свежем воздухе в тишине и покое...

– Это вы, Надежда Николаевна, из роли не вышли или всерьез так думаете? – с усмешкой спросил Артем.

– А вот кстати, – спохватилась Надежда, – ты куда это едешь?

– Как куда? К поселку, а потом на шоссе. И так уже сколько времени потеряли.

– Поворачивай, – велела Надежда специальным тещиным голосом.

– Куда еще?

– Делай, что говорю! Что за торопыга! – возмутилась Надежда. – Говорила я Ленке: подумай, хорошо подумай, прежде чем с этим вертопрахом расписываться. Так разве они матерей слушают?

– В прошлый раз вроде Танька была, – ехидно вставил Артем. – У вас что, дочерей много? Так я не многоженец, вы уж определитесь, на которой я женат.

– Болтун, – проворчала Надежда, не выходя из образа.

Остановились за два участка от дома неприветливого хозяина. Здесь не было автоматических ворот и вообще никакого забора не было. Участок окружали густые кусты. С дороги были видны большой огород, домик с трубой, откуда поднимался приветливый дымок. Рядом – свежий ленточный фундамент. Судя по его размерам, новый дом будет сооружением солидным.

В огороде копалась немолодая, но крепкая женщина – убирала старую ботву, вскапывала грядки к зиме.

К самому дому подъехать не удалось, дорога была перерыта – по всей видимости, прокладывали водопроводные трубы. Артем остановил машину, Надежда вышла и дальше пошла пешком.

Неожиданно рядом с ней раздвинулись кусты, и на дорогу выбралось жуткое создание.

Это был человек неопределенного возраста с толстыми вывернутыми губами и заплывшими глазами. Довершала дело густая клочковатая борода и свалывшиеся, как войлок, грязные волосы. Одето страшилище было в какую-то хламиду – не то халат, не то пальто.

Урод протянул к Надежде руки с грязными обломанными ногтями и прохрипел:

– С-стой, женщина! С-стой, послушай, чего с-скажу!

Надежда была не робкого десятка, но этот тип ее напугал. Она попятилась и уже хотела позорно бежать, но тут ее догнал Артем.

– А ну пошел вон! – рявкнул он на урода. – Вали отсюда, а то ноги пообломаю!

Урод испуганно вскрикнул, отпрыгнул, как заяц, и скрылся в кустах.

– Вечно вы, мама, суетесь куда не следует, – проворчал Артем. – Хорошо, я вовремя подошел.

– Да ничего бы он мне не сделал, – отмахнулась Надежда. – Подумаешь, юродивый какой-то.

Услышав их разговор, женщина, которая работала в огороде, подняла голову, приложила руку козырьком и взглянула на гостей.

– Здравствуйте! – Надежда помахала рукой. – Извините, у вас водички можно попить?

Хозяйка скрылась в доме и вынесла оттуда кружку. Надежда пока просочилась на участок – без приглашения, но калитки все равно не было.

– Что ж, хозяин-то, – тетка кивнула на красивый соседский дом, – и водой не напоил гостей?

– Да меня какой-то урод здесь напугал, то ли бомж, то ли ненормальный. Такой страшный, с бородой, в лохмотьях... Вот с перепугу пить и захотелось.

– Это Тимоша, – кивнула хозяйка, – дурачок здешний. Он не опасный, но непривычного человека напугать может. А вы Валерия знакомые?

– Да нет, – Надежда охотно подхватила нужную тему, – мы дом смотрели.

– Надумали? – прищурилась тетка. – За такую-то цену?

– Да я прямо не знаю, – протянула Надежда, – цена, конечно, ужас. Хотя дом красивый, участок ухоженный... А что он один, хозяйка-то где?

Как и предполагала Надежда Николаевна, тетка оживилась и придвинулась ближе.

– Развелись они, поэтому и дом продают, – начала она вполголоса.

– А что так?

– Ой, здесь такое было! – Теткины глаза заблестели. – Эти Павлюченки, они уже второй год так людей потешают. Развелись, он съехал вот туда, в самый конец, в вагончик. Она сразу из города бывшего мужа привезла – на готовенькое.

«Это я и без тебя знаю, – подумала Надежда Николаевна. – Ты бы мне что новенькое сказала».

– А к осени снова свелись! Весной приезжаю – опять разъехались! А только машина его все время здесь.

– А куда жена-то уехала? Где она теперь?

– Не знаю, – с сожалением ответила соседка, – вот чего не знаю, того не знаю. И никто не знает, я уже спрашивала. В среду я уехала с дачи – она была. Я мимо проходила, слышала, как она по телефону говорит. А в пятницу приезжаю – ее нет. Валерия спросила, где, мол, Света, она мне обещала луковицы тюльпанов махровых дать. Уехала, говорит, в город. Может, к сыну жить, раз дом они продают?

Надежда чуть было не лягнула, что сын понятия не имеет, где мать. Ясно было, что эта соседка уж такая любопытная – если что-то было бы известно о Светлане, она бы знала.

– А последний раз когда вы ее видели?

– В среду, пятого. Я как раз в город ездила, чтобы пенсию получить, ее всегда шестого дают. А вам зачем? – Тетка глянула с подозрением.

Надежду спас Артем:

– Мама, может, хватит уже попусту болтать? Мы поедем или нет?

– Вот, – Надежда вздохнула, – все силы им отдаешь, а в ответ – сплошное хамство.

– У меня дома такой же сидит, – понимающе кивнула соседка. – На дачу свозить – не допросишься!

Артем мрачно смотрел на дорогу. Из-за его тяжелого молчания Надежда чувствовала себя неуютно. А еще не давала покоя какая-то смутно пробивающаяся мысль, не мысль даже, а ощущение, что она упустила что-то важное. Наконец, не выдержав молчания, она повернулась к Артему:

– А ты эту Светлану хорошо знал? Какая она была – спокойная или нервная и взбалмошная?

– Да как сказать. – Артем пожал плечами, скосил на нее глаза, фыркнул. – Не так, чтобы спокойная, как мамонт, но и не истеричка. Насколько я знаю, разошлись они интеллигентно, посуду не били.

Еще помолчали. Наконец Артем не выдержал:

– Много вам удалось разузнать?

Надежда уловила в этом вопросе типично мужское высокомерие и ответила сухо:

– Для первого раза достаточно.

– Надо же. – Он покачал головой. – А я думал, вы только цветочками интересовались.

– У каждого свои методы! – отрезала Надежда Николаевна.

Надо же, она тратит время на чужие, в общем-то, дела, а в ответ вместо благодарности только насмешки и недоверие. А у нее, между прочим, дома кот без присмотра и еще муж. Муж, правда, не дома, но тем не менее.

Вдруг Артем чертыхнулся и затормозил.

Впереди стояло несколько машин, рядом суетились встревоженные люди. Чуть дальше шоссе перегородила дорожно-патрульная служба, в стороне стояла машина с мигалкой.

– Только этого мне не хватало, – проворчал Артем, заглушая мотор. – Авария там, что ли? Теперь простоим минимум час, а у меня дел полно.

– У меня тоже, – добавила Надежда, но Артем взглянул на нее пренебрежительно, мол, у вас-то какие дела.

Надежда решила не реагировать и выбралась из машины. На ходу бросила Артему, что выяснит, что там случилось и когда можно будет ехать.

Дорогу перегораживал неловко развернувшийся «Камаз», рядом жался «Фольксваген» с разбитой фарой, а на земле лежали носилки с накрытым телом, у которых мрачно переговаривались несколько полицейских.

Чуть в стороне отдельной группой стояли штатские, наверное, пассажиры остановленных машин. В этой группе выделялась заплаканная женщина с лицом, покрытым пятнами. Даму успокаивал тщедушный лысоватый мужик, явно муж. Рядом, но несколько поодаль возвышалась крупная особа, весь вид которой выражал явное неодобрение. И еще то, что она к происходящему не имеет никакого отношения.

К ней-то Надежда и подошла.

– Не знаете, что здесь произошло?

– Ничего особенного, – фыркнула та.

– Как ничего? – Надежда взглянула на закрытые простыней носилки. – Как я понимаю, здесь авария, кто-то погиб.

– Да ничего подобного! Это наша Катя, как всегда, отличилась.

– Кто? – удивленно переспросила Надежда.

– Катя, – повторила дама, – моя неподражаемая невестка. – С этими словами она кивнула на ту, что всхлипывала.

– Невестка? – Надежда Николаевна устала от поездки и от препирательств с Артемом, поэтому до нее сейчас все доходило медленно.

– Именно, – особа покосилась, удивляясь ее непонятливости, – жена моего брата. Удивительные способности! Умеет притягивать неприятности, как громоотвод молнию.

– Не понимаю. – Надежда снова перевела взгляд на разбитую машину, на носилки. – При чем здесь ваша невестка?

– При том, что ей вздумалось пописать, и она не смогла дотерпеть до города. Павлик – это мой брат – всегда идет у нее на поводу. Он тут же остановился, Катя отправилась в лес, – Надеждина собеседница презрительно фыркнула, – и нет чтобы зайти за кустик! Кто ее здесь увидит? Но она, конечно, полезла в самую глухомань.

Катя углублялась в лес все дальше и дальше, и ей все казалось, что ее видно с шоссе. Наконец она зашла за густой куст можжевельника, сделала для верности еще шаг...

И провалилась в замаскированную валежником яму между корнями огромной ели.

Вскрикнула от неожиданности, огляделась, прикидывая, как отсюда выбраться, и тут увидела, что она в яме не одна.

Рядом с ней лежала молодая женщина в красном свитере.

В первую секунду Катя подумала, что та, как и она, провалилась в эту яму.

– Эй! – окликнула она незнакомку, но та не ответила и даже не пошевелилась.

В яме было темно, и Катя наклонилась, чтобы лучше разглядеть...

Наклоняясь, она поскользнулась на еловом корне и упала прямо на молчаливую соседку.

Теперь, когда она оказалась с ней нос к носу, она смогла как следует разглядеть лицо.

Лицо это было ужасно: опухшее, отвратительного сизо-багрового цвета, с выпученными глазами и вываленным языком.

Стоит ли добавлять, что незнакомка была холодна как лед.

Катя завопила, как пароходная сирена, и бросилась прочь.

О том, как ей удалось выбраться, история умалчивает. Сама она не смогла бы объяснить этого даже под пыткой.

Однако факт налицо. Катя вылетела из ямы, как пробка из бутылки шампанского, промчалась через лес и выскочила на шоссе.

Она бежала, не разбирая дороги и ничего не замечая на своем пути.

Не заметила и такую мелочь, как «Камаз» на шоссе. К счастью, водитель «Камаза» успел затормозить, но при этом его машину развернуло поперек, в бок врезался «Фольксваген», и движение оказалось перекрыто.

– Вот так это все и случилось, – закончила новая Надеждина знакомая. – Катерину привели в чувство, выслушали, нашли труп. Гаишник прошел по ее следам и вызвал полицию. Теперь мы все здесь застряли неизвестно на сколько! А все Катя. Забрела в лес, так смотри под ноги, можно ведь так навернуться, что и шею сломаешь. А если провалилась, так бери ноги в руки и выбирайся, не отвлекаясь на посторонние предметы.

– Это вы о трупе? – уточнила Надежда.

– Конечно! – раздраженно ответила та. – Труп, он и есть труп, ему все равно уже ничем не поможешь. Как говорится, не ты его положила, не тебе и разбираться.

– Но все-таки долг каждого гражданина – сообщить в полицию о найденном трупе.

– Ладно, – та вынуждена была нехотя согласиться, но последнее слово все же оставила за собой: – Но все же нет такого долга – бегать сломя голову и бросаться под «Камаз»!

Здесь Надежда не была готова спорить, а дама продолжила, что невестке ее, как всем дуракам, везет, отделалась легким испугом, еще и муж утешает. А они все теперь застряли надолго, еще и в полицию затаскают.

– Надо же, – вздохнула Надежда.

Ее взгляд как магнитом притягивало к носилкам.

Теперь она разглядела свисающую женскую руку. Рука была красивой формы, с маникюром, видно было, что не так давно ее обладательница была молодой, привлекательной...

Надежда мысленно одернула себя. Разыгравшаяся фантазия может далеко завести, в конце концов, этот труп не имеет к ней никакого отношения.

Тем не менее она предпочла переместиться ближе к полицейским.

Возле самых носилок стоял невысокий мужчина лет пятидесяти с усталым лицом и ввалившимися глазами.

– Толик, – повернулся он к коллеге помладше, – сам здесь разберешься, оформишь документы, а у меня смена давно закончилась, и Маруся ждет.

– Закончилась так закончилась, – согласился тот. – Ждет так ждет. Только, Степаныч, добираться сам, я тебе машину дать не могу. Сам понимаешь, мне с этим жмуриком разбираться.

Степаныч пригорюнился, сделал шаг в сторону, и тут Надежда неожиданно для себя самой выпалила:

– А вам в какую сторону?

– Мне в Сертолово, – ответил тот удивленно, – а что?

– Так это в сторону города! – обрадовалась Надежда. – Мы с зятем вас подвезем, нам по пути.

– Правда? – оживился Степаныч. – А ваш зять не будет возражать?

– Пусть только попробует!

Увидев Надежду с каким-то типом, Артем не очень удивился. Он уже понял, что от Надежды Николаевны можно ждать любых сюрпризов.

– Это... – начала она.

– Капитан Поползнев! – представился пожилой полицейский. – Можно просто Виктор Степанович.

– Мы подвезем Виктора Степановича до Сертолова, – заявила Надежда не терпящим возражений тоном.

Артем хотел что-то сказать, но перехватил ее взгляд и только тяжело вздохнул.

Дорожно-патрульная служба как раз закончила разбираться с аварией, «Камаз» сдал назад, и движение на шоссе восстановилось.

На этот раз Надежда села на заднее сиденье, рядом с Виктором Степановичем.

В пути она не теряла времени даром.

Для начала достала из сумки термос и предложила чашку горячего кофе:

– Выпейте, у вас такой усталый вид!

Собираясь утром в поездку, она, верная привычке бывшего советского человека рассчитывать только на собственные силы, приготовила термос с кофе и несколько бутербродов.

Капитан искренне поблагодарил, с явным удовольствием глотнул кофе и съел бутерброд, который Надежда умудрилась не скормить прожорливому Артему. Заморив червячка, страж порядка вступил в разговор.

– Вот что я вам хочу сказать, – проговорил он задушевно, обращаясь к Надежде Николаевне. – Будьте, это, осторожнее.

– Да я вроде всегда осторожна. – Надежда спрятала термос. – Дорогу перехожу исключительно на зеленый свет, автобус обхожу сзади, трамвай спереди...

– Да я вовсе не о том, – отмахнулся Степаныч, – я в другом смысле. Не ходите одна в безлюдных местах, не садитесь в машины к незнакомым людям. Вы женщина исключительно приятная, обидно будет, если с вами что случится.

– Спасибо за комплимент, – фыркнула Надежда, – но что конкретно вы имеете в виду?

– Только между нами, – капитан понизил голос и огляделся, как будто его кто-то мог подслушивать. – Строго между нами: в районе орудует маньяк!

– Что вы говорите? – восхитилась Надежда. – Самый настоящий маньяк? А я думала, они только в кино бывают. Или в Америке.

– Это у вас, – капитан нахмурился, – неправильное представление. Вы же слышали о Чикатило и насчет витебского маньяка наверняка в курсе. Нет, мы по этой части никому не уступаем! – В его голосе зазвучала странная гордость.

– Это все где-то далеко, – протянула Надежда.

– Очень опасное заблуждение! – возразил Виктор Степанович. – Многие люди думают, что трагедии и преступления происходят где-то далеко, и поэтому не соблюдают элементарные правила осторожности.

Надежда поняла, что капитан проводит так называемую профилактическую беседу, и решила перехватить инициативу.

– Так что вы говорите, – перебила она, – неужели здесь появился настоящий маньяк?

– Опять-таки между нами, – наклонился к ней Виктор Степанович. – Но да, появился. – Он недолго помолчал, наблюдая за ее реакцией, и продолжил: – Недавно мы обнаружили женский труп примерно трехнедельной давности. Почерк схожий: молодая женщина задушена,

труп спрятан в лесу. Нашли, как и сейчас, по чистой случайности. Но здесь хотя бы труп имеется, а у меня еще четыре женщины по району пропали. Как говорится, без вести.

Артем поймал в зеркале взгляд странного пассажира и решил вмешаться:

– Что-то вы, товарищ капитан, тещу мою пугаете.

– Я не пугаю, – возразил Виктор Степанович, – я пока только предупреждаю.

– Спасибо, конечно, за предупреждение. – Надежда Николаевна приложила руку к сердцу. – Только вы же сказали, что этот ваш маньяк интересуется исключительно молодыми женщинами. Для меня он вряд ли представляет опасность.

– Да что вы такое говорите! – воскликнул капитан. – Вы еще вполне молодая и исключительно приятная...

Он смутился и замолчал.

Надежда услышала странный сдавленный звук, взглянула в зеркало и увидела давящегося от смеха «зятя». Послала ему через то же зеркало грозный взгляд, процедила:

– Это как мне вас понимать? Это вы меня пугаете или пытаетесь, грубо говоря, клеить?

Кстати, передайте Марусе, чтобы пришла вам верхнюю пуговицу на рубашке, а то висит на одной нитке.

– Марусе? – Виктор Степанович изумился. – При чем здесь Маруся?

– Вам виднее. Вы же сказали, что она вас ждет.

– Но это же...

– Я вам не мешаю? – подал голос Артем. – Кстати, мы уже в Сертолово.

– Ой, правда! – спохватился капитан. – Мне на следующем перекрестке нужно выйти. –

Он снова повернулся к Надежде: – Большое вам спасибо, очень выручили! Кстати, может быть, зайдете? Буквально на минутку! Я вам настоящий кофе сварю. – Он покосился на ее термос и окончательно смутился. – В том смысле, что ваш кофе тоже хорош, но все-таки...

Артем снова фыркнул, но тут же взял себя в руки.

– А что, Надежда Николаевна, не стесняйтесь! Отсюда уже городские автобусы ходят, доберетесь без проблем.

Надежда снова послала ему грозный взгляд и сухо проговорила:

– Нет уж, Виктор Степанович! Конечно, спасибо за предложение, но я очень занята, и потом у вас Маруся.

– Маруся? – капитан растерянно заморгал. – Да при чем здесь Маруся?

– Но как же? – возмутилась Надежда. – Интересно, как она отреагирует на появление незнакомой женщины?

– Нормально отреагирует, она у меня очень ласковая. – Виктор Степанович увидел странное выражение в глазах Надежды Николаевны и добавил: – Маруся – это кошечка моя.

– Ах, кошечка!

– А вы что подумали?

– Приехали! – Артем затормозил. – Что, Надежда Николаевна, остаетесь?

– Ни в коем случае! Едем в город!

– Сам Вадиму расскажешь или мне позвонить? – спросила Надежда, уже выходя у собственного подъезда.

– Да что рассказывать? – взорвался тот. – Как вы... как мы дурака валяли полдня? Ни черта не выяснили, только время потеряли.

Надежда хлопнула дверцей и, не прощаясь, пошла к подъезду. Этот противный парень полностью прав, поездка была зря. Но это не дает ему права так разговаривать с малознакомым человеком.

На следующее утро Надежда Николаевна встала очень недовольная собой. В самом деле, она проявила слабость, когда согласилась помочь Вадиму. А все ее страсть что-то расследовать,

найти, выяснить до конца. Нужно было отказаться – вежливо, но твердо. Ладно, что сделано, то сделано, теперь у нее хотя бы есть полное право честно смотреть Вадиму в глаза. В конце концов, если так волнуется, пускай сам ищет свою бывшую.

Надежда повеселела и решила заняться хозяйством. Полила цветы, запустила стиральную машину. Дальше ей на глаза попался кухонный светильник.

Светильник этот давно не работал, что-то в нем сломалось. Муж пытался его починить, но не справился – поломка оказалась выше его компетенции. Проще всего было выбросить этот светильник и купить новый, но уж очень этот подходил к обоям.

Надежда решила, что пока работает стиральная машина, она успеет дойти до магазина, где этот светильник был куплен.

Магазин назывался «Все для дома», и там продавалось действительно практически все, что может понадобиться в доме: бра и торшеры, вешалки и крючки для полотенец, цветочные горшки и кашпо, коврики и занавески и еще море совершенно бесполезных предметов, используемых для украшения интерьера.

По магазину задумчиво слонялись женщины разного возраста. Особняком держались две беременные, одержимые инстинктом гнездования.

Надежда почувствовала себя крайне неудобно. Она прошла в отдел электротоваров, убедилась, что нужного ей светильника нет, и уже хотела покинуть магазин, как вдруг увидела что-то очень знакомое.

Это было настенное панно – горный пейзаж, составленный из кусочков разноцветного стекла.

Именно эти кусочки оказались Надежде знакомыми. Да что там показались, они были точь-в-точь такими же, как те стеклышки, из которых была составлена мозаика на даче пропавшей жены Вадима Окунева.

Точно такие же полупрозрачные стекляшки густо-лилового, темно-синего и нежно-голубого оттенков плюс розовый и светло-зеленый.

Надежда подошла к панно. В голове у нее шевельнулась какая-то мысль, эта мысль еще не вполне определилась, но как раз в этот момент рядом остановилась молодая продавщица. Надежда повернулась к ней:

– А у вас нет такого же панно, только чтобы пейзаж был не горный, а морской? Понимаете, я очень боюсь высоты, у меня от одного вида гор голова кружится. А море, наоборот, очень люблю.

– Че-го? – протянула продавщица. – Другого нет, дама. Берите это, оно последнее.

– Но я же вам объясняю: мне не подходит горный пейзаж. От одного вида гор у меня кружится голова. А морские пейзажи, наоборот, очень успокаивают.

Рядом с Надеждой остановилась одна из покупательниц.

– Женщина, я вам скажу, где есть то, что вы ищете. Здесь рядом, за углом, мастерская, где делают такие вещи. У них и готовые панно есть, и на заказ сделают, что захотите, хоть море, хоть речку, хоть дубовую аллею. Там и дешевле будет, в магазине очень большая наценка.

– Ничего не большая! – фыркнула продавщица. – И нечего у нас свой товар рекламировать.

– Ничего не свой! – с готовностью огрызнулась покупательница. – Я вообще к той мастерской не имею отношения, просто помочь решила. Если у вас все равно нет...

Надежда под шумок выскользнула из магазина и хотела было повернуть к дому, но тут ее догнала та самая особа, что рекомендовала мастерскую.

– Вот хорошо, что вы далеко не ушли, а то я уже думала, что не догоню. Нет, но какая хамка! Как таких держат? А вон как раз та мастерская, которая вам нужна!

Она кивнула на неприметную дверь с табличкой «Мастерская художественного стекла, дерева и керамики «Золотые руки». Авторские подарки, предметы для интерьера».

Надежда Николаевна поблагодарила незнакомку и хотела улизнуть, но та стояла на месте и следила. Пришлось толкнуть дверь и зайти в мастерскую.

В длинном, ярко освещенном помещении стояли несколько столов, за которыми работали немолодые женщины в синих халатах. Кто-то рисовал, кто-то по этим рисункам выкладывал на деревянной основе панно из цветных стеклышек. Готовые к работе стеклышки лежали посреди стола в большой керамической чаше.

Ближе к дверям женщина моложе в строгой белой блузке, наверное, менеджер или попросту приемщица, говорила с заказчиком, высоким мужчиной в темно-синем пиджаке.

– Что вы мне подсовываете? – гремел он, потрясая готовым панно. – Вы за кого меня держите? Думаете, со мной можно шутки шутить?

– Никто с вами шутить не собирался! Что вы заказывали, то мы и сделали, – вяло оборонялась приемщица. – Качество отличное, авторская работа...

– Да мне на ваше качество начхать! – орал недовольный клиент. – Мне подарок нужно сделать старшему товарищу! Самому Михаилу Леонидовичу! Я вам что заказал?

– Что заказали, то и получили. Заказано панно с изображением автомобиля, один экземпляр.

– Вы меня за лоха, что ли, держите? – не унимался клиент. – Какой здесь автомобиль? Вы видите, какой здесь автомобиль?

– Какой? Инома-арка, – растерянно протянула приемщица.

– Инома-арка! – передразнил клиент. – Я вам заказывал «Ауди», а у вас здесь «Фольксваген-гольф»! Подарок, между прочим, не простому человеку, а самому Михаилу Леонидовичу! Что он скажет, если я ему какой-то зачуханный «Фольксваген» подарю? Что подумает? Что я его не уважаю? А какие выводы он из этого сделает? Такие выводы, что мало не покажется!

– Извините, – в разговор вклинилась худощавая женщина в серой вязаной кофте. – Вероника Артуровна...

Приемщица покосилась на нее и недовольно фыркнула:

– Людмила Митрофановна, вы же видите, что я занята! Видите же, что мне не до вас! Я с клиентом разговариваю!

– Так я как раз по поводу этого клиента. У него заказ номер двести сорок один дробь два, а вы ему выдали двести сорок два дробь один.

– Я лучше знаю, какой заказ выдавать! – огрызнулась приемщица. – Вы же видите, что мне не до вас. Вы же видите: клиент нервничает, волнуется...

– Ничего я не нервничаю! – рявкнул клиент. – И вовсе даже не волнуюсь! У меня вообще нет такой привычки! Это вы сейчас будете нервничать и волноваться, когда я вам в доступной форме обрисую, что вас ожидает в ближайшее время.

Вдруг он замолчал, заметил в руках у унылой Людмилы Митрофановны доску и уставился на нее.

– Это у вас что? – спросил он неожиданно спокойно.

– Заказ номер двести сорок один дробь два.

– Так вот же она, моя «Ауди»! – обрадовался клиент.

– Так вот я и говорю, – пробормотала, отходя, Людмила Митрофановна.

Клиент вырвал панно и стремительно покинул мастерскую.

– Людмила Митрофановна, что вы стоите? – повернулась к ней менеджер. – У вас что, работы нет? – Она включила любезную улыбку и обратилась к Надежде Николаевне: – Хотите сделать заказ? Могу предложить альбом с эскизами панно и витражей.

– Да? – в сомнении проговорила Надежда. – Вообще-то я хотела заказать не готовый рисунок, а вид из своего окна.

– Это тоже можно, только, сами понимаете, будет стоить дороже: индивидуальный заказ.

– Понимаю, – кивнула Надежда. – Еще хотелось бы панно по эскизу конкретного художника. Светлана Павлюченко, мне ее очень хвалили.

Надежда была наугад – просто вспомнила, что бывшая жена Вадима время от времени работала с прикладным искусством. Вполне вероятно, что и в этой мастерской, стекляшки-то те же самые.

– Что? – Лицо приемщицы вытянулось. – Такой у нас нет. И вообще, женщина, если хотите панно – заказывайте по готовому эскизу, у нас целый альбом. – Она выложила перед Надеждой толстый альбом в кожаной обложке: – Выбирайте, здесь на любой вкус. Ретро? Пожалуйста! Современные? Тоже полно!

Надежда принялась перелистывать альбом. Горы и моря, озера и реки, букеты и композиции из цветов, собачки и кошечки.

На ее счастье, в мастерскую вошла следующая клиентка, и дама за стойкой переключилась на нее.

Надежда отложила альбом, покосилась на приемщицу и неторопливо направилась в глубину мастерской. Шла она с вполне определенной целью – к той самой особе в вязаной кофте, которая уладила дело с нервным клиентом.

Конечно, Надежда не могла не заметить, как та насторожилась, услышав имя Светланы Павлюченко.

Завидев ее, дама в кофте опустила глаза и сделала вид, что поглощена работой. Но Надежда поставила вопрос ребром:

– Людмила Митрофановна, когда вы в последний раз видели Светлану?

– Светлану? – Та подняла глаза от рабочего стола. – Какую Светлану?

– Вы знаете, о ком я. Светлану Павлюченко.

– Ах, Светла-ану! – протянула та. – Да, она когда-то у нас работала, но я уже года два ее не видела. Да и раньше она не в штате была, а так, от случая к случаю. Делала для нас кое-какие эскизы панно или витражей.

– Значит, говорите, два года ее не видели? – Надежда в упор смотрела на собеседницу.

– Да, я же вам сказала! – ответила та и отвела глаза.

Неожиданно ей на помощь пришла приемщица:

– Людмила Митрофановна, – окликнула она из-за стойки, – подойдите, пожалуйста! Вот хотят сделать индивидуальный заказ.

Людмила встала, развела руками – мол, и хотела бы вам помочь, но сами видите – и направилась к заказчице.

Надежда проводила ее взглядом и невольно опустила глаза на то панно, над которым она работала.

Это был куст декоративной бузины: золотая листва и грозди черных ягод, блестящих, как антрацит.

Работа была не окончена. Сбоку лежал акварельный эскиз с тем же кустом, служивший образцом для панно.

Надежда Николаевна почувствовала знакомое покалывание у корней волос.

Так бывало всегда, когда интуиция говорила, нет, даже не говорила, а кричала в полный голос, что она наткнулась на что-то важное и вот-вот совершит прорыв в очередном расследовании.

Надежда еще раз внимательно взглянула на эскиз. Всякие сомнения отпали: тот самый куст, что она видела вчера в саду Светланы.

Кто-то, конечно, может сказать, что один куст нельзя отличить от другого. Нет, конечно, куст сирени отличается от жасминового, а жимолость не спутаешь с японской айвой. Но два куста одного вида перепутать легко. А вот и нет, так скажет только тот, кто ничего не понимает

в садоводстве. Сказать так – все равно что заявить, что все китайцы на одно лицо. А ведь это совсем не так, актер Джеки Чан, к примеру, ничуть не похож на Мао Цзэдуна.

Надежда Николаевна к поверхностным людям не относилась. Она прекрасно знала, что каждое растение, как и каждый человек, имеет собственное лицо и собственную индивидуальность. Сомнений не оставалось: куст на рисунке тот самый, из Светланиного сада.

Что из этого следует?

Из этого следует, что Светлана Павлюченко совсем недавно была в мастерской. Не два года назад, как утверждает Людмила Митрофановна, и даже не год назад. Она была здесь в этом сентябре, потому что куст на рисунке уже начал желтеть. И ягоды в полной силе.

Почему же и Людмила Митрофановна, и хамоватая приемщица скрывают от Надежды этот факт?

Ответа на вопрос не было.

Надежда Николаевна убедилась, что на нее никто не смотрит, и взяла в руки эскиз.

Ничего нового при ближайшем рассмотрении она не обнаружила и машинально перевернула лист.

На обратной стороне синим карандашом было выведено семь цифр – наверняка номер телефона.

Не полагаясь на свою память, Надежда схватила со стола карандаш и записала номер прямо на левой ладони.

Она едва успела положить эскиз на стол. Людмила Митрофановна уже шла обратно и весьма подозрительно на нее смотрела.

– Извините, у меня работы много. Два года Светлану не видела, не знаю, чем она сейчас занимается.

Надежда сдержанно поблагодарила и покинула мастерскую.

Прямо напротив входа стояла легковая машина, из окна свешивался вылинявший флаг бело-голубой расцветки – водитель был болельщиком «Зенита».

При виде бело-голубых цветов Надежда мгновенно забыла о расследовании и вспомнила нечто куда более важное, а именно, что оставила включенной стиральную машину. Стирка давно закончилась, и белье в машине может полинять, как этот флаг!

Из головы сами собой вылетели подозрительный эскиз и пропавшая Светлана Павлюченко. Надежда помчалась домой.

К счастью, белье еще не полиняло.

Надежда вытащила его из машины, развесила, чтобы сохло, и решила, что имеет право немного отдохнуть и выпить чаю. Перед чаепитием она отправилась в ванную вымыть руки и тут увидела у себя на левой ладони полустертый номер.

К счастью, большая часть цифр сохранилась, по крайней мере, их можно было разобрать. Только последняя цифра вызвала сомнения – то ли тройка, то ли восьмерка.

Пожалуй, больше это походило на восьмерку, но Надежда долго проработала инженером и с тех пор сохранила привычку ничего не пропускать и последовательно отрабатывать все возможные варианты.

Она еще раз задумчиво взглянула на номер, взяла телефон и для начала набрала вариант с тройкой на конце.

Раздался мужской голос:

– Давно не тягал железо? Обычный тренажерный зал не для тебя? Не тушуйся, приходи к нам в клуб «Железный Дровосек». Не вешай трубку, твой звонок очень важен для нас!

Надежда Николаевна охнула и бросила трубку. Только дровосеков ей не хватало для полного счастья.

Нет, сюда Светлана вряд ли могла звонить.

Еще раз приглядевшись к номеру на ладони, Надежда уверилась, что последняя цифра все же восьмерка, и набрала второй вариант.

Снова ответил голос автомата.

Правда, на этот раз голос был женский.

– Вы позвонили в пансионат «Камешки», – бодро произнес голос в трубке. – Ваш звонок важен для нас! Если вы хотите ознакомиться с нашими услугами и ценами, нажмите «один», если хотите забронировать у нас номер, нажмите «два», если хотите узнать, как до нас доехать, нажмите «три», если хотите задать вопрос, дождитесь ответа оператора.

Надежда нажала «три», в трубке раздался щелчок, и тот же бодрый голос сообщил, что пансионат «Камешки» расположен на тридцать пятом километре Выборгского шоссе и доехать до него можно на пригородном автобусе номер четыреста четыре или на маршрутном такси от метро «Проспект Просвещения».

Выслушав эту информацию, Надежда повесила трубку и задумалась.

Может, все объясняется очень просто? Допустим, Светлана устала от семейных сложностей и решила отдохнуть в загородном пансионате? Выключила мобильный, чтобы ее никто не беспокоил, и живет себе на лоне природы. Проверить это очень просто – съездить в этот пансионат и убедиться во всем собственными глазами.

– Вот еще, – проговорила она через минуту. – Что у меня, собственных дел нет?

На звук голоса в кухню вошел кот. Он посмотрел на хозяйку весьма неодобрительно – мол, до чего дошла, уже сама с собой разговариваешь! А все потому, что не уделяешь достаточно внимания своему коту. Если тебе выпало в жизни большое счастье и у тебя есть кот, надо же это ценить! Кота нужно баловать, заботиться о нем, кормить деликатесами...

– Нечего на меня так смотреть, – ответила ему Надежда.

Снова схватила телефон и набрала Вадима, чтобы рассказать о своих успехах, поделиться выводами и предположениями и ненавязчиво сообщить, что прекращает расследование и возвращается в лоно семьи. И хорошо, что вчера не стала звонить, сегодня можно порадовать хоть какими-то вестями. Пускай сам съездит в этот пансионат, отыщет там свою бывшую и убедится, что все с ней в порядке. А там уж они сами решат, что делать. Она, Надежда, в этом раскладе явно лишняя.

Вадим ответил сразу, но приглушенным голосом:

– Надя, я сейчас не могу говорить! Важный клиент.

– Вот так, – Надежда нажала отбой и взглянула на кота, – клиент, значит, важный, а я так себе. Сам же просил о помощи, сам уговаривал! Нет, все мужчины одинаковы!

Кот издевательски фыркнул и только что не повертел пальцем у виска.

А Надежда вдруг вскочила и бросилась одеваться для загородной поездки – джинсы, кроссовки, удобная ветровка.

Она снова почувствовала покалывание у корней волос и поняла, что не успокоится, пока не побывает в пансионате «Камушки».

По дороге ожил внутренний голос и принялся ее усиленно воспитывать. Надо сказать, отношения у Надежды Николаевны с внутренним голосом были весьма непростые. Голос был порядочный зануда. Он неустанно напоминал, что надо быть осторожнее, не лезть, куда не просят, и сидеть больше дома – так для здоровья и для хозяйства лучше.

Самое неприятное, что голос всегда давал правильные советы, но Надежда не всегда к ним прислушивалась и потом, попадая в сложную ситуацию, как правило, слышала неизменное: «Я же говорил! Я предупреждал!»

Иногда ей даже казалось, что это не голос, а муж застрял у нее в печенках, до того они с голосом были солидарны.

Сейчас внутренний голос был в своем репертуаре. Твердил, что Надежда снова лезет не в свое дело, что она никогда не повзрослеет, раз позволила поймать себя в примитивную

ловушку. В самом деле, так ли уж Вадиму нужна была помощь? В конце концов, Светлана ему всего лишь бывшая жена, а если он к ней все еще что-то чувствует, то Надежда здесь при чем? Сам бы и искал эту беглянку. Но ему, видите ли, некогда, вот он и попросил Надежду. А если Светлана не хочет, чтобы ее искали? Явно ведь не хочет, иначе оставила хотя бы сыну свои координаты.

Словом, внутренний голос советовал это дело немедленно бросить.

– Ладно, съезжу в пансионат, и если ничего там не узнаю, больше шагу никуда не ступлю! – сказала Надежда и тут же испуганно оглянулась. Н-да, не сочли бы ненормальной, которая разговаривает сама с собой. К счастью, никто из окружающих ничего не заметил, а если кто и слышал ее слова, наверняка решил, что она беседует по мобильному.

Рейсовый автобус остановился у самых ворот пансионата.

Надежда Николаевна миновала ворота и оказалась в сосновом лесу, где среди деревьев там и тут виднелись огромные валуны, оставленные ледником. Наверное, именно им пансионат был обязан своим названием.

Среди сосен и камней были разбросаны небольшие уютные домики.

Надежда увидела стрелку «Главный корпус» и пошла по тропинке в указанном направлении.

Вскоре она оказалась перед двухэтажным зданием из светлого кирпича. Справа от двери висела табличка с названием пансионата и эмблемой – гранитный валун на фоне морского берега. На скамейке у входа две интеллигентные старушки подставили лица лучам осеннего солнышка.

Надежда замедлила шаг и невольно прислушалась к их разговору.

– А я считаю, Анна Филипповна, – настаивала старушка с розовыми волосами, – что Лев Михайлович – незрелая, инфантильная личность. Нет, он не готов к серьезным отношениям. С ним, Анна Филипповна, у вас нет никакого будущего.

– Это вы потому так говорите, Зинаида Васильевна, – возражала вторая, с голубыми волосами, – что он на вас не обращает внимания!

«Всюду жизнь», – подумала Надежда и вошла в дверь главного корпуса.

Она оказалась в просторном холле. В дальнем конце находилась стойка регистратуры.

На стене рядом со стойкой висела афиша, извещающая, что вечером в клубе будет лекция об освоении межпланетного пространства, а после нее – фильм «Звездные войны. Атака клонов».

У стойки Надежда увидела женщину примерно своего возраста с аккуратно уложенными темными волосами. При виде Надежды та заученно улыбнулась.

– Здравствуйте, Наталья Сергеевна! Домик для вас готов, двенадцатый, на самом краю леса.

– Вы мне? – удивилась Надежда. – Вообще-то я не Наталья Сергеевна.

– Как, разве вы не Дроздовская? – Улыбка сползла с лица администраторши. – Разве это не вы вчера звонили?

– Нет, не я, – чистосердечно призналась Надежда Николаевна, – я по другому поводу. У вас отдыхает моя родственница, Светлана Павлюченко, я хотела бы ее повидать.

– Родственница? – недоверчиво протянула та, за стойкой.

Почему-то Надежда смутилась:

– Не совсем родственница, скорее знакомая.

– Как, вы сказали, фамилия? – Администратор застучала пальцами по клавишам. – Павленко?

– Павлюченко.

– Нет такой.

– Вы уверены? – разочарованно протянула Надежда.

– Абсолютно уверена, – сухо ответила администраторша.

Она явно не была настроена продолжать разговор. Надежда Николаевна вздохнула, пересекла холл в обратном направлении и вышла на улицу.

Старушки на скамье все еще выясняли отношения.

Надежда медленно двинулась в сторону шоссе и вдруг увидела на дорожке перед собой знакомую фигуру. Мужчина средних лет шел навстречу, доверительно беседуя на ходу с дамой в белом халате с эмблемой пансионата на кармашке.

Надежда пригляделась и попятилась. Точно, капитан Поползнев. Тот самый, которого они с Артемом вчера подвозили до Сертолова.

Она еще не успела забыть, как по пути он пытался неуклюже ухаживать, говорил комплименты и даже приглашал в гости, и сейчас юркнула за дерево, чтобы избежать всего этого снова. Нет, но надо же, этот капитан – тот еще ходок: вчера клеился к ней, сегодня окучивает сотрудницу пансионата...

Виктор Степанович с медсестрой приблизились к дереву, за которым пряталась Надежда, так что она невольно расслышала обрывок их разговора.

– А с кем из сотрудников она близко общалась? – допытывался Поползнев.

– Да, пожалуй, ни с кем, – отвечала сестра. – С кем ей общаться? Она молодая, а у нас персонал, вы же видите, в основном среднего возраста. У нее была одна забота – отработать смену и куда-нибудь закатиться со своим дружкой. Погулять любила, да. Но что в этом плохого?

Надежда поняла, что капитан Поползнев здесь по работе, но попадаться ему на глаза по-прежнему не хотелось. Придется ведь объяснять, что она здесь делает.

– А кто из сотрудников видел ее последним? – продолжал он.

«О ком это он спрашивает? – Надеждины мысли потекли в другую сторону. – Уж не разыскивает ли он параллельно со мной Светлану Павлюченко? Хотя нет, это он вроде о ком-то из местных».

Она насторожилась, чтобы не пропустить ответ, но в это время из-за кустов шиповника появился новый персонаж. Это был бодрый, жизнерадостный старичок в лиловом спортивном костюме китайского производства. Костюм этот был ему заметно велик, но старичок выступал с видом первого парня на деревне.

Увидев прячущуюся за деревом Надежду, он приосанился, поправил реденькие седые волосы и устремился к ней, слегка поскрипывая суставами.

– О, какие люди! – воскликнул он, приосанившись. – Вы здесь недавно? Всех здешних прелестниц я знаю, а вас, милая дама, прежде не встречал! Это досадное упущение необходимо исправить. Позвольте представиться: Лев Михайлович Мормышкин.

– Ах, тот самый Лев Михайлович, – понимающе протянула Надежда.

– Вы обо мне уже слышали? – Лев Михайлович горделиво задрал нос. Это неосторожное движение привело к тому, что у него чуть не выпала вставная челюсть, но он ловко подхватил ее на лету, вставил обратно и продолжил: – Ненеюсь, фы флыфали фолько луффее...

– Что? – не поняла Надежда.

Старичок поправил челюсть и повторил:

– Надеюсь, вы слышали обо мне только лучшее.

– Как сказать, – фыркнула она. – Я слышала, что вы, Лев Михайлович, незрелая, инфантильная личность, не готовая к серьезным отношениям. Согласитесь, в вашем возрасте это не очень лестная характеристика.

– Я знаю, откуда ветер дует! – воскликнул Лев Михайлович и встал в театральную позу. – Это все Зинаида Васильевна! Старая интриганка! Ревнивая, склочная особа! Она рассчитывала на мое внимание, но меня не интересуют ее перезрелые прелести! И вообще, до сих пор

я не был готов связать себя узами брака, потому что не встретил женщину своей мечты. Но теперь, увидев вас...

«Только этого старого ловеласа мне не хватало», – подумала Надежда и стала медленно отступать в глубь лесопосадки. Краем глаза она заметила, что капитан Поползнев оглядывается: наверняка услышал их оживленный разговор. Еще немного, и он ее заметит, и тогда точно не избежать объяснений.

– Куда же вы, прекрасная незнакомка? – воскликнул Мормышкин и бросился за ней, как ястреб за кроликом. – Мы же с вами еще не поговорили об искусстве, о литературе!..

Надежда сделала обманное движение, проскользнула между двумя близко растущими соснами, нырнула в кусты можжевельника, выскочила на полянку, по дороге оцарапав руки, промчалась мимо уединенного домика, обогнула огромный гранитный валун, пробежала еще метров сто и остановилась, тяжело дыша.

Лев Михайлович безнадежно отстал, капитана Поползнева тоже не было видно. Она оказалась в дальнем углу территории. Здесь не было жилых домов, только впереди, за очередным валуном, виднелась хозяйственная постройка – то ли сарай, то ли летняя кухня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.